

М. А. Киселев

**ОТ ПРИДВОРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ:
КРИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В АМЕРИКЕ
РОССИЙСКИМИ АВТОРАМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-6-15

УДК 94(47)“17” ББК 63.3(2)511

В статье проанализирован феномен критики европейского колониализма в Америке российскими мыслителями второй половины XVIII в., начало которому было положено М. В. Ломоносовым в «Письме о пользе стекла» 1752 г. и А. П. Сумароковым в ряде стихотворений. Показано, что первоначально американская тема возникла в придворной литературе, ориентированной на монарха и его окружение. Критика кровавого завоевания европейцами Америки и жестокой эксплуатации ее коренных жителей в придворной литературе стала частью конструирования положительного образа России, где входящие в ее состав и присоединяемые народы не угнетаются и живут в мире и процветании. В царствование Екатерины II, которая формально поощряла свободу высказываний и частную печать, произошел перенос рассуждений о европейском колониализме в Америке в формирующуюся в России публичную сферу. А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» 1790 г. продемонстрировал, что критический антиколониальный дискурс может быть применен для описания внутрисоссийских порядков. Это, в свою очередь, вело к разрушению панегирического описания благоденствия Российской империи и ее жителей. Как показала судьба арестованного Радищева и его запрещенной книги, правительство исходило из того, что в России публичная критика должна быть ограничена и не должна ставить под сомнение благополучие империи. Однако хотя с помощью цензуры такую критику и можно было ограничить, но уничтожить интеллектуальный прием ее переноса на российские реалии было уже невозможно.

Ключевые слова: *Российская империя, публичная сфера, придворная литература, европейский колониализм, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, А. Н. Радищев*

В 1752 г. в Петербурге было напечатано стихотворное «Письмо о пользе стекла» великого русского ученого и поэта М. В. Ломоносова, адресованное фавориту императрицы Елизаветы И. И. Шувалову. Как показал К. А. Осоват, это обширное поэтическое сочинение было одним из лучших образцов придворной литературы, направленным как на просвещение, так и на увеселение столичного, а лучше сказать — придворного читателя.¹ В «Письме» был помещен небольшой фрагмент, в котором поэт достаточно резко с восклицанием «О коль ужасно зло!» переходил от развлекательных картин и образов к мрачному описанию испанского завоевания Америки, а затем указывал на печальную

судьбу оставшихся в живых покоренных индейцев, столь бессердечно эксплуатируемых колонизаторами при добыче драгоценных металлов, что смерть для них оказывалась избавлением:

Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные или по истинне блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!

В советском академическом издании сочинений Ломоносова после констатации, что «обличение западноевропейских завоевателей Америки... является экскурсом, не имеющим отношения к теме “Письма”», утверждалось, что «он был внесен в поэму под впечатлением каких-то фактов тогдашней действительности».² Правда, при этом не разъяснялось, что это за факты. Попытка найти их была предпринята М. М. Дыхне в 1962 г. Он предположил, что

¹ См.: Осоват К. А. Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. 2007. № 5 (87). С. 148–183.

Киселев Михаил Александрович — к.и.н., с.н.с. Центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев)

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 514, 1007.

«эти картины навеяны не только и не столько прошлым Америки, сколько современной Ломоносову русской действительностью», связанной с ростом эксплуатации работавших при горных заводах.³ И здесь возникает закономерный вопрос: как такой критический отсыл к русской действительности оказался в памятнике придворной литературы, которая была адресована прежде всего монарху и его окружению? Современная исследовательница Т. А. Абрамзон, избавленная от необходимости везде искать проявления классовой борьбы, констатирует, что «в русской литературе Ломоносов — первооткрыватель “американской” темы, интерес к которой сохранился до конца XVIII века». Появление «в научно-прагматическом пространстве “Письма” Ломоносова кровавой картины завоеваний Южной и Центральной Америки испанскими конкистадорами» она объясняет «общепросветительским интересом к первобытным народам, к географическим открытиям, к морским путешествиям».⁴ Однако следует заметить, что тех же инков и ацтеков в XVIII в. не воспринимали «первобытными народами», их воспринимали как народы, которые уже имели собственные государства. Таким образом, данный фрагмент едва ли можно объяснить интересом к «добродетельному дикарю» Просвещения.

Что примечательно, придворный читатель заметил данный фрагмент в «Письме», который в общем-то занимал немного места — около 30 строк из 440. В 1765 г. камергер граф А. П. Шувалов, сын одного из главных деятелей елизаветинского царствования графа П. И. Шувалова и член Комиссии о коммерции, в Париже на французском опубликовал книжку памяти Ломоносова, умершего в том году, где высоко оценил «Письмо о пользе стекла» и при ее краткой характеристике счел необходимым указать, что «представляемая автором картина разграбления Америки из-за алчности испанцев выше всяких похвал».⁵

Итак, в 1752 г. ведущий придворный поэт М. В. Ломоносов в печатном сочинении, адресованном фавориту императрицы, помещает критическое описание испанского завоевания Америки и жестокой эксплуатации индейцев,

что, судя по дальнейшей успешной карьере Ломоносова и реакции А. П. Шувалова, вполне одобрительно воспринимают при дворе. В связи с этим возникает вопрос о том, какую функцию такого рода описания имели в придворной литературе, а также какой эффект они могли оказать на формирующуюся в России публичную сферу благодаря тому, что они по форме имели печатный характер, а по содержанию представляли официально одобряемые образцы критического дискурса, столь важного для публичной сферы. Именно на ответах на данные вопросы и планируется сосредоточиться в настоящей статье. При этом не предполагается приводить полного списка критических упоминаний европейского колониализма в Америке, так как относительно полные данные об этом для России XVIII в. приводятся в работах Л. А. Шура⁶ и А. Н. Николоюкина.⁷

Согласно наблюдениям Л. А. Шура, в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям», выходявших с 1728 по 1742 г., был напечатан ряд материалов об Америке, где в том числе упоминалось, что «употребляемыми от Гишпанцев против покоренных им Американ бесчеловечными поступками наполнены все исторические книги».⁸ Однако, похоже, именно М. В. Ломоносов, подняв эту тему при дворе, если не поспособствовал привлечению внимания к этой проблематике, то ввел ее в пространство придворной литературы. И, как отметил М. П. Алексеев, американская тема вскоре получила развитие в сочинении другого ведущего писателя середины XVIII в. и конкурента Ломоносова в сфере придворной литературы А. П. Сумарокова. Назначенный Елизаветой Петровной в 1756 г. руководить столичным Русским театром, он создал драму «Прибежище добродетели»,⁹ постановку которой относят к 1759 г. В 1764 г. вышло ее первое печатное издание для широкой публики (другое ее издание появится в 1787 г. в составе 17-й части «Российского феатра»). В пьесе Добродетель сокрушалась, что не может найти себе прибежища и что «Европа и теперь злодействует как прежде».

³ См.: Дыхне М. М. Заметки к тексту «Письма о пользе стекла» М. В. Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 261.

⁴ Абрамзон Т. Е. «Письмо о пользе Стекла» М. В. Ломоносова. Опыт комментария просветительской энциклопедии. М., 2010. С. 75.

⁵ Ломоносов: сборник статей и материалов. М.; Л., 1946. С. 49.

⁶ Шур Л. А. Испанская и португальская Америка в русской печати XVIII — первой четверти XIX в. // Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 340–369; Он же. Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений. М., 1964.

⁷ Николоюкин А. Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1981.

⁸ Шур Л. А. Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений. С. 24; Примечания на Ведомости. 1735. № 44 и 45. 5 июня.

⁹ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 94.

После этого она отправлялась в странствие по свету и, не найдя себе места ни в Азии, ни в Африке, оказывалась в Америке. Однако вместо надежды в Новом свете она обнаружила, что «разверзлася здесь адская утроба». Она встретила там коренных жителей — супружескую чету Американца (его играл сам Ф. Г. Волков), бывшего правителя, лишившегося из-за завоевания своего трона, и Американки, которые страдали от тирана-завоевателя (чей «Монарх в Европе на престоле» сидел) и из-за притеснений затем покончили жизнь самоубийством. В итоге Сумароковым провозглашалось:

Мучительница ты Европа всей природы:
Безчеловечныя в тебе живут народы.

Добродетель после Америки все же нашла себе прибежище в России, процветавшей под скипетром Елизаветы.¹⁰

Кроме того, в ноябре 1759 г. тот же А. П. Сумароков уже в своем журнале «Трудолюбивая пчела» поместил небольшое стихотворение «О Америке»:

Коснулись Европейцы суши,
Куда их наглость привела,
Хотят очистить смертных души,
И поражают их тела:
В руках святых держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смирненным мзду и казни злым,
В другой остр меч: ярься пылают,
И ближним щастия желают,
Подобно как себе самим.¹¹

Л. А. Шур полагал, что «это стихотворение Сумарокова, где в образе испанского завоевателя-конкистадора подчеркивалась его жестокость, следует связать с общей просветительской направленностью писателя, с требованиями ограничения и смягчения крепостничества, с резкими выпадами в комедиях, сатирах и баснях против тех дворян-крепостников, которые превращали своих крестьян в рабов».¹² Критика жестокостей испанских завоевателей в Америке стала звучать еще в XVI в.¹³ Тем не менее Сумароков решил писать не просто про испанцев, как это сделал Ломоносов. Сумароков вводил обобщающие образы мучительницы Европы и европейца, которые, лице-

мерно ссылаясь на *святых правы*, захватили американские земли и тиранят их жителей. Если говорить о внешнеполитической ситуации 1759 г., то это был парадоксальный шаг: в это время Россия принимала участие в Семилетней войне как союзница европейских держав, среди которых была и имевшая колонии (в том числе и в Америке) Франция. Однако если исходить из логики панегирического восхваления, целостный образ Европы оказывался более сильной основой для создания положительного образа России, ведь речь велась не просто о превосходстве России над Испанией, чья слава была уже в прошлом, а о превосходстве над всей Европой. Другое дело, что благодаря этому в придворной литературе легитимацию получала критика всего европейского колониализма.

Соответственно, в 1763 г. А. П. Сумароков в «Диферамве», посвященном уже Екатерине II, мечтал о расширении империи, что «будут... Россов дети, всею Азией владети». При этом такое обладание Азией, конечно же, должно было принести ей процветание, так как Россов дети:

Ей законы изрекут:
Тигра и Ефрата волны,
Прежней радостью полны,
По России потекут.

Не ограничившись этим, Сумароков в «Диферамве» восклицал: «Росска зрю Американа». И, развивая американскую тему в плане расширения империи, в 1768 г. в оде Екатерине II Сумароков так обращался к американским аборигенам:

Увидев Росски корабли,
Америка не ужасайся,
Из праотеческой земли
В пустыни бегством не спасайся!
Под видом праведных богов,
Встречала ты своих врагов,
Кропiti кровью вашей крины:
А мы по утренним водам,
Пристанем к вашим берегам,
Со Именем ЕКАТЕРИНЫ.

Если европейцы в описании Сумарокова несли коренным американцам насилие и угнетение, о чем он ранее и написал в стихе «О Америке», то Россия обещала новым народам процветание в империи под скипетром Екатерины II. Как об этом написал Сумароков еще в оде 1763 г., «Всея Империи народы, / Едемский составляют лик».¹⁴

¹⁰ См.: Прибежище добродетели. СПб., 1764. С. 4, 6, 22, 24, 28, 29.

¹¹ Сумароков А. П. О Америке // Трудолюбивая пчела. 1759. Ноябрь. С. 704.

¹² Шур Л. А. Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений. С. 26.

¹³ См.: Григулевич И. Р. Бартоломе де Лас-Касас — обличитель колониализма // Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966. С. 8–22.

¹⁴ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 2. С. 66, 101, 61.

Реальная картина управления присоединяемыми Россией землями Северной Америки была далека от идиллии: именно в 1763 г. произошло восстание алеутов Лисьей гряды, которое жестоко подавили.¹⁵ Однако А. П. Сумарокова, как придворного поэта, в данном случае интересовала не столько реальность, сколько создание образа процветающей империи. В этом отношении изображение ужасов европейского колониализма в Америке оказывалось частью конструирования позитивного образа России, где все народы живут в мире и благоденствии. И затем такой образ, составной частью которого оказывалось и противопоставление Европе, можно было встретить и за пределами придворной литературы. В качестве примечательного примера укажем на анонимное стихотворение «К Сибири» 1796 г. В нем заявлялось:

Пускай Европа чванится умами,
Пускай гордится блеском тонких дум!
Сибирь — гордится кроткими сердцами!

Правда, начало присоединению Сибири было положено походом Ермака, то есть завоеванием. В стихотворении это признавалось таким образом:

Блажите орды, что в глуши лесистой
Ермак ударил древле булавой.
Хоть сечь его щитае разбоем,
Однако Герой останется Героем,
Ермак, отродье богатырских душ!
Он палицей одной разчистил глушь.

В результате, теперь в Сибири крестьянин живет «как в масле сыр», а между народами царит мир:

Хоть населяют разны дики орды
Кряжей и гор Сибирских скаты горды:
Но от Туры до острова Ильи
Живут, как дети мирныя семьи.¹⁶

В то же время не следует думать, что такого рода заявления оказывались лишь пустыми, лицемерными декларациями, не имевшими влияния на имперскую политику. Д. В. Волков, игравший большую роль в правительстве Елизаветы Петровны и Петра III, после свержения последнего в 1762 г. был отправлен в почетную ссылку вице-губернатором в Оренбург. Оттуда он в 1763 г. направил ряд предложений Екатерине II о российской политике на Южном Урале и в Средней Азии. Отметив, что на пути

в Индию, как главную цель торговых интересов России, «много живет... разных своевольных народов, к хищничеству и грабежу жаждущих», Волков писал, что неправильно желать «их всех военною рукою изтребить», в связи с чем прямо указывал: «Гишпанцам не прощают и доньне, что *кровию неповинных жителей утвердили владычество свое в Америке* (выделено нами. — М. К.)». По его мнению, Российской империи «особливо несходно пустыми повелевать степями, ибо к населению их людей нет», так что в отношении степных народов следует не делать ставку на насилие, а цивилизовывать их мирным путем.¹⁷ Получалось, что для Волкова, как представителя столичной правящей элиты, оказавшегося на окраине империи, испанский колониализм в Америке воспринимался в качестве отрицательного примера, которому не стоило следовать. В этом отношении антиколониальный дискурс придворной литературы вел не только к репрезентации положительного образа Российской империи — он также мог оказывать воспитательное воздействие на имперских администраторов, подводя их к тому, что империя должна если не соответствовать ее панегирическому образу, то стремиться к его достижению. Правда, масштаб такого воздействия еще нуждается в дополнительном изучении.

В 1781 г. в журнале «Академические известия» его редактор П. И. Богданович опубликовал серию очерков «Об Америке», где затронул тему испанского завоевания, описав его в негативном ключе: «В то самое время, когда Мексика обуреваема была лютою свирепых своих мучителей и стенала под игом неслыханных зол, испытало и Перуанское Государство те же самыя потрясения. Буйныя вихры наижесточайшаго коварства преданных сребролюбию неистовых меченосцов, восхитили в одно время вольность обоих великих и образованных в новом свете народов».¹⁸ И в этом же очерке затем рекламировалась книга «Филозофическая и Политическая История о селениях и торговле Европейцов в обеих Индиях», которая, как утверждал Богданович, была переведена И. П. Хмельницким и «без сомнения будет в непродолжительном времени издана в свет».¹⁹

«Филозофическая и Политическая История...» — это известное сочинение аббата

¹⁵ См.: История Русской Америки (1732–1867). М., 1997. Т. 1. С. 85–88.

¹⁶ К Сибири // Муза. 1796. Февраль. С. 101.

¹⁷ См.: Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4, ч. 2. С. 446, 447.

¹⁸ Богданович П. И. Продолжение Америки // Академические известия. 1781. Май. С. 646.

¹⁹ Там же. С. 671.

Г. Рейналя “Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Europeens dans les deux Indes” («Философская и политическая история о торговле и заведениях европейцев в обеих Индиях»), напечатанное без указания автора первым изданием в 1770 г. в 10 томах. Это сочинение, к созданию которого приложил руку не один Рейналь, быстро приобрело общеевропейскую известность и сделало аббата значимым интеллектуалом. В своем сочинении «при помощи обширных исторических материалов Рейналь сумел развернуть беспрецедентную по своей грандиозности картину гнусного произвола и кровавых насилий “просвещенных” европейских колонизаторов над поработанными народами Африки, Азии, Америки и Австралии». Более того, «Рейналь не обошел молчанием ни одной из насущных в его время проблем внутренней и внешней политики европейских государств, вызвав этим недовольство со стороны правителей последних. Так, смелой критикой французской монархии он вызвал негодование Людовика XVI и навлек на себя серьезные репрессии. В 1781 г. по настоянию короля парламент постановил сжечь “Философскую и политическую историю Индии” и конфисковать имущество автора. Сам Рейналь спасся бегством в Англию». ²⁰ О таком происшествии с книгой и ее сочинителем русский читатель был извещен в «Санкт-Петербургских ведомостях» в том же году 22 июня, а в ноябре в «Московских ведомостях» была открыта подписка на сочинения «славного аббата Рейналя», который «приобучил народы размышлять о своих дальнейших интересах». ²¹

В сочинении Рейналя были не самые лицеприятные суждения о России, особенно во втором (1774) и третьем издании (1780). ²² Однако у П. И. Богдановича сомнений в публикации книги Рейналя в России не было, так как, объяснял он читателю, «безпристрастныя и в некоторых местах может быть смелыя сочинительвы разсуждения о разных предметах, не могут быть отнюдь препоною к напечатанию оной в Царствование *ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ*, которая даровав в Своем Наказе умам народа Своего полную свободу, подвинула и Римскаго кесаря к таковому же великому деянию для пользы человечества, столь многократно стра-

давшего от вредоносных предубеждений. Мы не должны ныне бояться говорить и писать истинну, но с благоговением токмо взирать на великий ЕЯ дух, парящий превыше оризонта человеческих умов». ²³ Итак, Богданович, начав с критики испанского завоевания Америки, затем перешел к общим суждениям о позволении открытых критических высказываний, если они служат достижению истины. Фактически Богданович изображал Россию как место, где сформировалась идеальная публичная сфера благодаря тому, что Екатериной II умам дарована полная свобода на критические высказывания и их распространение посредством печатного слова. Раз так, этому можно было поучиться и европейским монархам, один из которых уже последовал ее примеру. Здесь Богданович имел в виду австрийского императора Иосифа II, существенно смягчившего цензуру как раз в 1781 г. В этом отношении логичным выглядело, что если во Франции книга Рейналя подверглась гонениям, то в России, где существовала свобода высказываний, о чем говорилось Екатериной II в ее «Наказе», такое сочинение как раз могло быть издано. При этом переводчиком оказывался И. П. Хмельницкий, занимавший значимую должность при одном из ключевых чиновников империи: в 1781 г. он стал «секретарем при генерал-прокуроре Сената А. А. Вяземском». ²⁴

Однако в царствование Екатерины II в книжном варианте перевод Рейналя так и не вышел. Границы же «полной свободы умам» испытал А. Н. Радищев, напечатавший под влиянием в том числе и книги Рейналя в 1790 г. знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Уже на следствии арестованный из-за публикации своей книги Радищев пояснял: «...историю о Индиях Реналя... могу я почитать началом нынешнему бедственному моему состоянию». ²⁵

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев, как регулярно отмечается в историографии, обратился и к американской теме. Главу «Хотилово» Радищев открывал рассуждениями в панегирическом духе о процветании России: «Доведя постепенно любезное отечество наше, до цветущаго состояния, в котором оно ныне находится...», — после чего задавал совсем не панегирический вопрос: «Наслаждаяся внутреннюю тишиною, внешних

²⁰ Лехтблау Л. Из истории просветительной литературы в России // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 198, 199.

²¹ Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVII века (Рейналь и Радищев). М., 1981. С. 23, 24.

²² См.: Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М., 2018.

²³ Богданович П. И. Продолжение Америки. С. 671, 672.

²⁴ Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 365.

²⁵ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 188.

врагов неимея; доведя общество до вышшаго блаженства гражданского сожития; неужели... оставим <крепостных крестьян> в тяжких узах рабства и неволи?» Разъясняя несправедливость крепостного права, он также задавал следующий вопрос: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженными?» И, показывая, что между экономическим процветанием и блаженством государства нельзя ставить знак равенства, он приводил показательный пример: «Европейцы опустошив Америку, утучнив нивы ея кровию природных ея жителей, положили конец убийствам своим, новою корыстию. <...> Леса бесплодные и горькия дебри, претворяются в нивы плодоносныя и покрываются стовидными произращениями единой Америке свойственными, или удачно в оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая, рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии. Заклав Индейцев единовременно, *злоствующие Европейцы* (выделено нами. — М. К.), проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростнаго убийства завоевателей прививают хладкровоное убийство порабощения, приобретением невольников куплею. Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутыя своих домов и семейств, преселенныя в неведомыя им страны, под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки». Раз экономическое процветание Америки основывалось на рабском труде, то Радищев отказывался признавать ее блаженной: «И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея непоросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною строною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи неимеют надежнаго пропитания, ни собственнаго от зноя и мраза укрова. О дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения!»²⁶

Таким образом, А. Н. Радищев фактически выворачивал панегирическую логику описания

Российской империи в плане контраста ее процветания с ужасами европейского колониализма в Америке. Подобно А. П. Сумарокову с его образом мучительницы Европы, Радищев описывал злоствующих европейцев. Однако у Сумарокова жестокости европейцев оттеняли положительный образ Российской империи, где все народы живут в благоденствии. Радищев же, не остановившись на констатации жестокого завоевания, перешел к рассмотрению рабовладельческого хозяйства колоний, после чего фактически провел параллель между крепостными крестьянами в процветающей — в экономическом плане — России и черными рабами в процветающей же — в экономическом плане — Америке. И, отказывая на основании этики рабству в праве на существование, а обществу, где есть рабство, в блаженстве, Радищев через параллель с Америкой подвергнул сомнению положительный образ Российской империи.

Уже в другой главе — «Вышний Волочок» — А. Н. Радищев, описывая судоходный канал, отметил, что тот, «наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными, и приуроченными к прохождению сквозь сюз для дальнейшего плавания до Петербурга», был для него увеселительным зрелищем. Радищев отмечал, что «тут видно было, истинное земли изобилие, и избытки земледелателя; тут явен был во всем своем блеске, мощный побудитель человеческих деяний, корыстолюбие», в связи с чем сперва разум его «усладился видом благосостояния». Однако такие оптимистические мысли, связанные с видимым экономическим процветанием страны, с ее благосостоянием, затем сместились в сторону этического пессимизма, так как он «вспомнил, что в России многие земледелатели, не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает, отягченный жребий ея жителей». Как результат, его «удовольствие ... переменялось в равное негодование с тем, какое ощущаю ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки, и драгия ея произращения, как то сахар, кофе, краски и другия, неосушившиися еще от пота, слез и крови их омывших при их возделании». Что примечательно, далее Радищев включил в повествование некоего своего друга, описав их диалог: «Вообрази себе, говорил мне некогда мой друг, что кофе налитой в твоей чашке, и сахар разпущенной в оном, лишали покоя тебе подобнаго человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов,

²⁶ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 311, 315, 316, 317.

причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай жестокосердой усладить гортань твою. — Вид прещения сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала и кофе пролился». И уже после этого Радищев прямо обращался к столичному читателю: «А вы о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру, или на едине, когда рука ваша вознесет перьвой кусок хлеба определенной на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки. Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос». ²⁷ И так, Радищев продолжил развивать параллели между рабами в Америке и крепостными крестьянами в России, переводя разговор о экономическом благосостоянии страны, зримым выражением которого оказывались наполненные барки, в этическое измерение. И, что важно подчеркнуть, данная проблематика теперь представлялась ему подходящей для идеальной публичной сферы: два гражданина за кофе свободно обсуждали общественно значимую тему, а достигнутый результат обсуждения затем свободно же представлялся публике посредством печатного слова. И для Радищева такая публичная сфера была сколь желанна, столь и нормальна. В связи с этим он, с опорой на мысли И. Канта о Просвещении, ²⁸ призывал отменить все цензурные ограничения, рассуждая вполне в духе П. И. Богдановича: «Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всем безпрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истинна не затмится. Недерзнут правители народов удалиться от стези правды, и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Возтрепещет судия, подписывая несправедливый приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий, употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство, убийством, злые строгаго взора истинны». ²⁹

Завершало же «Путешествие из Петербурга в Москву» «Слово о Ломоносове», где, вспоминая обучение М. В. Ломоносова горному делу

во Фрайбурге, А. Н. Радищев так размышлял о посещении ученым шахты: «Что мыслишь низходя в сию пропасть? Желает ли снискать вящее искусство извлекати серебро и золото? Или не ведаеш какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки? <...> Но нет низходи, познай подземныя ухищрения чело века, и возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа, подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущии, погребаются». ³⁰ Получалось, что Радищев, фактически отсылая к описанию Ломоносовым в «Письме о пользе стекла» жестокой эксплуатации испанцами индейцев в шахтах, переводил его критический посыл с европейцев на внутрироссийские проблемы. Именно поэтому, стоит полагать, по мнению Радищева, Ломоносову и требовалась «крепость духа»: одно дело критиковать иностранные порядки, и другое — своей страны. Правда, здесь Радищев скорее проецировал на Ломоносова свои взгляды: это он переводил порицание жестокостей европейского колониализма в Америке в критическое восприятие положения крепостных крестьян в России, в то время как у Ломоносова, воспевавшего как успехи российского горного дела, так и процветание империи в целом, такого перехода не было. И здесь вполне показательными оказывались разные обстоятельства публикации «Письма о пользе стекла» и «Путешествия из Петербурга в Москву». Если первое было адресовано фавориту императрицы и напечатано в типографии Академии наук, то второе, будучи свободным высказыванием гражданина, было напечатано анонимно в частной вольной типографии.

Как известно, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева получило крайне негативную оценку Екатерины II. Книгу изъяли из продажи, а автора арестовали и предали суду за ее публикацию. При этом императрица, выступив в роли внимательного читателя книги и комментируя «Проект в будущем», прямо написала, что там «в насмехательном виде говорится о блаженстве и дается чувствовать, что онаго нету; сие служит предисловием к тому, что сочинитель намерен говорить о крестьянах и их неволе». Кроме того, она отметила и влияние аббата Рейналя на эту книгу, пусть и без акцента на американские сюжеты. Соответственно, уже на допросе у Радищева потребовали ответа на вопрос: «Почему он осуждал состояние помещицких крестьян, зная, что лучшей

²⁷ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 323, 324.

²⁸ См.: Каплун В. У истоков российского политического модерна: «подгибрил» ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?) // Логос. 2021. Т. 31, № 5 (144). С. 27–58.

²⁹ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 335, 336.

³⁰ Там же. С. 384.

судьбы российских крестьян у хорошева помещика нигде нет?», — на что арестованный Радищев ответил: «Я и сам уверен, что у хорошева помещика крестьяне благоденствуют больше, нежели где либо».³¹ Итак, с помощью административного принуждения Радищеву обозначили границы свободы суждений: если истребляемым индейцам и угнетаемым американским рабам можно было сочувствовать публично, то о российских крепостных крестьянах, живущих под скипетром Екатерины II, следовало в публичном пространстве говорить в панегирическом духе благоденствия, но никак не жесткой критики.

Как отметил А. Н. Николюкин, «Радищев открыл целую полосу выступления русской печати по поводу положения американских негров». Такие выступления были выдержаны в критическом духе, в них с этических позиций бичевались европейцы-рабовладельцы, и, например, «радищевец», член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств В. В. Попугаев в 1804 г. вполне в духе А. П. Сумарокова восклицал от имени негра, обращенного в рабство: «Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием, сколь ужасное ты чудовище!»³² Однако следом за такой критикой европейцев делался шаг в логике не Сумарокова, а Радищева. Другой «радищевец» и член Вольного общества И. П. Пнин в 1804 г. в книге «Опыт о просвещении относительно к России» замечал в связи с успехами аболиционистского движения в Англии: «Горестно, весьма горестно для россиянина, свое отечество любящего, видеть в нем дела, совершающиеся только в отечестве негров, коих, однако ж, несчастную участь просвещенная Англия, несмотря на прибыльный ими торг, лучше желает облегчить, лучше желает лишиться всех получаемых ею чрез то выгод, нежели идти против природы, против прав человечества... Вот поистине поступок, которым Англия приобретает бессмертную славу». И в том же году книга была изъята из продажи, так как в ней Пнин «восстает против прав помещиков и укоряет их в несправедливом присвоении власти

над крестьянами».³³ Получалось, что и в начале «либерального» царствования Александра I европейский колониализм можно было изобличать только без публичного переноса критики, основанной на сравнении с колониальными практиками, на внутрироссийские реалии.

Итак, представленная в середине XVIII в. М. В. Ломоносовым в рамках придворной литературы тема критики европейского колониализма в Америке была затем удачно развита А. П. Сумароковым в части конструирования с ее помощью положительного образа России. Если в России в рамках придворного панегирического дискурса все народы, некоторым из которых еще только предстояло стать подданными российского монарха, жили в мире и благоденствии, то европейцы, претендовавшие на статус более просвещенных/цивилизованных, на примере захвата Америки показывали свои двуличие и жестокость, являя таким образом противоположность России. Что немаловажно, такие критические послы, как демонстрирует пример Д. В. Волкова, не были исключительно пустыми декларациями и могли влиять на политику. Однако при переносе таких рассуждений о европейском колониализме в Америке в формирующуюся в России публичную сферу оказалось, что критический дискурс может быть направлен уже на внутрироссийские порядки и разрушить панегирическое описание благоденствия империи. Это стало возможным в том числе благодаря тому, что такие авторы, как П. И. Богданович и А. Н. Радищев, под влиянием риторики Екатерины II о свободе суждений фактически исходили из существования в России идеальной публичной сферы, где позволялось любое критическое суждение, ведущее к истине. Правительство, как показал арест и суд над Радищевым, исходило из того, что в реальности свобода публичной критики должна быть ограничена и не ставить под сомнение благополучие империи. Другое дело, что хотя с помощью цензуры такую критику и можно было ограничить, но уничтожить сам интеллектуальный прием переноса уже было невозможно.

³¹ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. С. 162, 160, 177.

³² Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. С. 70, 71.

³³ Русские просветители (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 202, 203, 414.

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *mihail.a.kiselev@gmail.com*

FROM COURT LITERATURE TO THE PUBLIC SPHERE: CRITICISM OF EUROPEAN
COLONIALISM IN AMERICA BY RUSSIAN AUTHORS
OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The article analyses the phenomenon of Russian criticism of European colonialism in America in the second half of the 18th century, the beginning of which was laid by M. V. Lomonosov in his “Letter on the usefulness of glass” (1752) and then developed by A. P. Sumarokov. It is shown that originally the American theme emerged within the framework of court literature oriented to the monarch and courtiers. Criticism of the bloody conquest of America by Europeans and cruel exploitation of its indigenous inhabitants within the framework of court literature became a part of constructing a positive image of Russia, where, in contrast to the European colonies, the peoples, which, among others, were yet to become part of the Russian Empire, are not oppressed and live in peace and prosperity. During the reign of Catherine the Great, who formally encouraged freedom of expression and a free press, discourse on European colonialism in the America was transferred to Russia’s emerging public sphere. A. N. Radishchev, in his “Journey from Petersburg to Moscow” (1790), demonstrated that critical anti-colonial discourse could be used to describe Russian domestic orders. This, in turn, led to the destruction of the panegyric description of the empire’s prosperity. As the fate of Radishchev and his book showed, the government assumed that in Russia the freedom of public criticism should be limited and not question the well-being of the empire. However, although it was possible to limit such criticism through censorship, it was no longer possible to destroy such intellectual reception.

Keywords: *Russian Empire, public sphere, court literature, European colonialism, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov, A. N. Radishchev*

REFERENCES

- Abramzon T. E. “Pis'mo o pol'ze Stekla” M. V. Lomonosova. *Opyt kommentariya prosvetitel'skoy entsiklopedii* [“Letter on the Usefulness of Glass” by M. V. Lomonosov. The Experience of Commenting the Educational Encyclopedia]. Moscow: OGI Publ., 2010. (in Russ.).
- Alekseev M. P. *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnosheniy XVI–XIX vv.* [Essays of the History of Spanish-Russian Literary Relations in the 16th–19th Centuries]. Leningrad.: Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ., 1964. (in Russ.).
- Babkin D. S. *Protsess A. N. Radishcheva* [The Trial of A. N. Radishchev]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. (in Russ.).
- Dykhne M. M. [Notes to the Text of “Letters on the Usefulness of Glass” by M. V. Lomonosov]. *Literaturnoye tvorchestvo M. V. Lomonosova* [Literary Works of M. V. Lomonosov]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1962, pp. 258–269. (in Russ.).
- Grigulevich I. R. [Bartolome de Las Casas — a Colonialism Exposer]. *Bartolome de Las-Kasas. K istorii zavoyevaniya Ameriki* [Bartolome de Las Casas. To the History of the Conquest of America]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 8–22. (in Russ.).
- Istoriya Russkoy Ameriki (1732–1867). T. 1. Osnovaniye Russkoy Ameriki. 1732–1799* [History of Russian America (1732–1867). Vol. 1. The Founding of Russian America. 1732–1799]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniyaPubl., 1997. (in Russ.).
- Kaplun V. [The Origins of Russian Political Modernity: Did Radishchev “Crib” his Enlightenment Project From Kant? (And If So, Why Didn't He Cite the Source?)]. *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 5 (144), pp. 27–58. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-5-27-54 (in Russ.).
- Lehtblau L. [From the History of Educational Literature in Russia]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1939, no. 1, pp. 197–204. (in Russ.).
- Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR. T. 4. Ch. 2. Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye otnosheniya v Bashkirii. Upravleniye Orenburgskim krayem v 50–70-kh godakh XVIII v.* [Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 4. Part 2. Economic and Social Relations in Bashkiria. Administration of the Orenburg Region in the 50–70s of the 18th century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1956. (in Russ.).

Mezin S. A. *Didro i tsivilizatsiya Rossii* [Diderot and the Civilization of Russia]. Moscow: NLO Publ., 2018. (in Russ.).

Moryakov V. I. *Iz istorii evolyutsii obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov prosvetiteley kontsa XVII veka (Reynal' i Radishchev)* [From the History of the Evolution of Socio-Political Views of the Enlighteners of the late 17th Century (Raynal and Radishchev)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta Publ., 1981. (in Russ.).

Nikolyukin A. N. *Literaturnyye svyazi Rossii i SSHA. Stanovleniye literaturnykh kontaktov* [The Literary Connections between Russia and the USA. Establishing Literary Contacts]. Moscow: Nauka Publ., 1981. (in Russ.).

Ospovat K. A. [Lomonosov and “Letter on the Usefulness of Glass”: Poetry and Science at the Court of Elizabeth Petrovna]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2007, no. 87 (5), pp. 148–183. (in Russ.).

Russkiye prosvetiteli (Ot Radishcheva do dekabristov). T. 1 [Russian Enlightenmenters (From Radishchev to the Decembrists). Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1966. (in Russ.).

Shur L. A. [Spanish and Portuguese America in the Russian Press of the 18th — First Quarter of the 19th Century]. *Latinskaya Amerika v proshlom i nastoyashchem* [Latin America in the Past and Present]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1960. (in Russ.).

Shur L. A. *Rossiya i Latinskaya Amerika. Ocherki politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh otnosheniy* [Russia and Latin America. Essays of the Political, Economic and Cultural Relations]. Moscow: Mysl' Publ., 1964. (in Russ.).

Slovar' russkikh pisateley XVIII veka. Vyp. 3 [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century. Iss. 3]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2010. (in Russ.).

Для цитирования: Киселев М. А. От придворной литературы к публичной сфере: критика европейского колониализма в Америке российскими авторами второй половины XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-6-15.

For citation: Kiselev M. A. From Court Literature to the Public Sphere: Criticism of European Colonialism in America by Russian Authors of the Second Half of the 18th Century // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-6-15.